

Сергей Матвеев

ДВА СЛОВА О ФЕДРУЧЧЕ

(Пьеса в прозе в двух словах без пролога и эпилога)

Отрывок из незаконченного собрания незаконченных отрывков

СЛОВО 1

- Стой, кто идет! – во весь голос крикнул Федя. Голос у Феди был велик и могуч, как у старушек на базаре. Его славным тенором, а, может быть, баритоном восхищался весь физфак. Недаром его произвели недавно в главные ведущие фестивалей первокурсников шестого факультета.

- Это я иду, - ответил Столов. Это был действительно он. Столов на физфаке был очень известной личностью, популярной и даже легендарной. Он был главным, ведущим заведующим Малого физфака после декана, основой всех крупных и мелких культмассовых мероприятий, аспирантом и вообще интересным человеком.

- А, это ты! – обрадовался Федя, - Ну тогда проходи!

Федя тоже был личностью, тоже известен, так же принимал активное участие в Малом физфаке и был основой всех культурно-массовых мероприятий средних размеров. Единственное, кем он не был – это аспирантом, но уже стремился к этому. Он был пока первокурсником. И, хотя он любил поговаривать: «Первокурсник – это надолго!», - сам он не собирался засиживаться в этом звании.

- Я сюда по делу, - сказал Столов. Он всегда приходил по делу. Даже если он приходил не по делу, он быстро находил, что сказать, и поэтому считался деловым человеком.

- Ты очень кстати, - сказал Федя, чтобы хоть что-то сказать. Он очень любил Столова и очень любил поговорить. Чаще всего он спрашивал, как прошел последний концерт с его участием, либо, если этот человек не был на этом концерте, рассказывал о нем сам. Реже он спрашивал, как прошел какой-нибудь другой концерт, где его не было, и уже совсем редко спрашивал у друзей конспекты и другой никому не нужный материал.

- Концерт мне понравился, - ответил Столов, не дожидаясь вопроса. Андрей Столов мог хорошо отзываться совершенно о любом явлении: событии, книге, телепередаче. Мог он обо всем этом отзываться и плохо. Однако, кнутом он пользовался реже, чем пряником. Разве только иногда, для профилактики, раскритиковывал что-нибудь первое попавшееся в корне, а потом, чтобы никого не обидеть, начинал говорить о хороших сторонах этого произведения и повторял всё в мажоре.

- Нет, я не о том, не о концерте, - поспешил сменить тему разговора Федя, опасаясь заслуженной критики. Федруччо был уверен, что концерт очень понравился Столову, и тот его раскритикует, как и другие понравившиеся ему вещи, ибо настроение у него было отнюдь не хвалебное. Федруччо ждал и жаждал узнать, чем он понадобился Андрею.

- Да? А зачем я тебе нужен? – спросил Столов. Будучи до крайности вежливым человеком, он любил сначала узнать желания других, по возможности отказать им в этом, либо, если это не возможно, с кислой физиономией сказать: «Да, конечно», - давая понять,

что это ни ему, ни другим совершенно не нужно, только, может быть, они этого еще не понимают. Вот и сейчас он решил поскорее узнать, отчего так обрадовался ему Федя.

- Ты не сможешь мне написать сценку для очередного концерта? – спросил Федя. С тех пор, как прекратили свою деятельность агитбригада и ММТ, все вещи для фестивалей стал писать Фёдор. Не всегда ему это удавалось, и тогда он долго бегал и искал, кто бы ему помог. Сейчас ему писалось легко, и никакой помощи не требовалось; Федя попросил помочь Столова лишь потому, что его вмешательство никогда ничего не портило, а более, чтобы отвязаться от вопросов Андрея. Он бил в самую точку, зная, что Андрюша не любит мешать индивидуальному творчеству и избегает соавторства.

- Нет, только не сейчас. Как-нибудь в другой раз, - ответил Столов. Он испугался такого поворота событий и решил поскорее перевести разговор на другую тему. Он стал вспоминать, для чего он, собственно, сюда пришел и что хотел узнать.

- Жаль, - сказал Федя. Дело было сделано. Он теперь твердо знал, что Андрей больше не будет приставать со своими глупыми вопросами. А пока Андрей думал, что бы спросить, Федруччо стал думать, что ему ответить.

- Да, я хотел тебя попросить, - наконец нашелся Столов. Он еще не знал, что он спросит, и надеялся, что, быть может, придумает по пути, или, может быть, ему подскажет тему Федя.

- Да-да, конечно, - отозвался Федор, заинтересовавшись таким вступлением. Тем для вопросов он не подсказал, Андрей тоже ничего не придумал. Наступила неловкая пауза, и Федя понял, какую ошибку он совершил. Столов покраснел, за ним покраснел и Федя.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал, наконец, Столов, и они разошлись.

СЛОВО 2

В глубине холла физфака показалась веселая фигура Виктора Пекуровского с кудрявыми, как на портрете Эйнштейна, волосами. Он, как всегда, был страшно занят и медленно прохаживался по коридору в раздумьях, с чего начать. Он никогда никуда не спешил и часто не успевал куда-нибудь или вообще чего-то не делал из-за нехватки времени, но всегда был страшно занят и никуда не спешил. Приветливо улыбаясь, он подошел к Феде.

- Приветствую Вас, несравненный Федруччо! – сказал Пекуровский.

- Привет! – сказал Федя, - Тут такое дело. Булак – самая большая достопримечательность Казани...

- Есть и больше, - перебил его Пекуровский, - Например, Кабан. Но ладно...

- Ну, почти самая большая достопримечательность Казани...

- Ну, почти – ладно... - опять вставил Виктор.

- А вода в нем – жесткая! – Федя посмотрел на Пекуровского. – Как бы смягчить этот недостаток? Ты не знаешь?

- Ты у химика Матвеева спрашивал?

- Нет.

- Ну, так пошли, спросим! – сказал Пекуровский, и они пошли искать химика Матвеева. Но это уже другая история.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Цветущие воды Булака. Пахнет морем и сортиром. Каждое воскресенье Федя выходил на его набережную и долго прохаживался взад-вперед под романтические фразы лягушек. Всё здесь хорошо, всё радует глаз. Одно лишь огорчало Федю – вода в нем не кипяченая...

Казань, 1984